

1910, 1905 (он)

Островский Н.Ф.

Рожденный бурей

Николай Алексеевич Островский родился 29 сентября 1904 года в семье отставного военного, в селе Вилия на Волыни на Украине. Его дед был участником героической обороны Севастополя в 1854-1855 годах. Отец отличился в русско-турецкой войне 1877-1878 годах. За особую храбрость он был награжден двумя Георгиевскими крестами, но военной службе предпочел работу деревенского механика. Семья жила не слишком богато, но дружно, ценили образование и труд. Старшие сестры Надежда и Екатерина стали сельскими

Он был и помощником пономаря, и официантом, и кубовщиком в типографии, и даже писарем в полицейском отделении

учительницами. Николай в 1915 году закончил двухклассное училище в Шепетовке, а уже с 12 лет пошел работать: сначала в буфете при станции, через год — помощником электромонтера. В его ранней трудовой биографии вообще было много неожиданных фактов: он был и помощником пономаря, и официантом, и кубовщиком в типографии, и даже писарем в полицейском отделении. Октябрьскую революцию он воспринял с огромным воодушевлением и с головой ринулся в водоворот событий.

В 1918 году он поступает в Высшее начальное училище, позднее преобразованное в Единую трудовую школу, становится представителем учащихся в педагогическом совете. Тогда же, после начала германской оккупации, по официальной биографии «выполнял поручения большевистского подполья». На самом деле, это были, как сказали бы сегодня, террористические акты — поджоги домов, казарм и коню-

Последний выстрел Николая Островского

Самого странного советского писателя всегда отождествляли с его героем Павкой Корчагиным. В их биографиях было не так много общего — в реальной жизни самого Островского подвигов, крутых поворотов и роковых тайн было гораздо больше...

шен, взрывы железнодорожного полотна, отравление колодезей. Активная революционная деятельность юного школяра не осталась без внимания «старших товарищей». Летом 1919 по рекомендации партячейки связной ревкома Николай Островский вступает в комсомол и

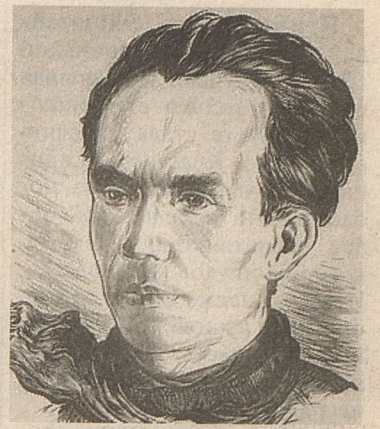
В Львовской губернии, где дислоцировалась его часть, было казнено свыше сорока тысяч «контрреволюционеров», а его жестокость поражала даже безжалостных латышских стрелков и китайских интернационалистов»

одновременно в Красную Армию. Воевал он в частях особого назначения (ЧОН), которые специализировались на карательных операциях в белогвардейском тылу. Об этом периоде жизни «Советского Гомера» известно крайне мало. Скупые архивные документы говорят о том, что шашкой он махал, лишь когда командовал «пли!» расстрельной команде, трудившейся не покладая рук. В одной только Львовской губернии, где дислоцировалась его часть, было казнено свыше сорока тысяч «контрреволюционеров», а его жестокость поражала даже безжалостных латышских стрелков и китайских интернационалистов». Согласно опубликованной позже биографии, в 1920-м Островский служил в бригаде Котовского, затем в 1-й Конной армии Буденного, где и был тяжело ранен в голову. В реальности, подтверждения этим фактам не нашлось. Знаменитый шрам Павки Корчагина, кропотливо воссозданный примерами на лбу и Василия Ланового, и Владимира Конкина (две пафосных экранизации романа), напрочь отсутствует на всех фото самого писателя. Молодой комиссар действительно был демобилизован из армии в возрасте всего шестнадцати лет, но отнюдь не по ранению.

Пуля — дура

Вся последующая жизнь Николая Островского, уже с восемнадцати лет прикованного к инвалидной коляске, была предпретна тяжелым наследственным заболеванием. Современные исследователи склоняются к тому, что это была «болезнь Бехтерева», достаточно редко встречающийся синдром, проявления которого заключаются в повышенной ломкости суставов, внезапных головных болях, общей слабости и прогрессирующей слепоте. Судя по всему, дремавший долгое время коварный недуг начал стремительно развиваться из-за тяжелейшего стресса, полученного на передовой, и перенесенного там же тифа. Лечиться Островский не спешил — было некогда: комсомольская работа, главным образом, вербовка молодых кадров в Киев и окрестности, занимала все его время. В здании крайкома на Крещатике он и жил, и трудился, лечась лишь водкой и аспирином, и этим существенно усугубил состояние своего здоровья. В 1922-м Островский был признан полным инвалидом и вынужден был оставить службу и перебраться в Москву.

Его герою Павке Корчагину и не снились такие подвиги —

каждое движение причиняло нестерпимую боль, даже обычный прием пищи превращался в пытку. Без посторонней помощи комсомолец Островский не мог не то что самостоятельно подняться по лестнице на второй этаж, завязать шнурки на ботинках. Его настигает жуткая депрессия, которую он снова глушил лошадиными дозами спиртного, а потом и вовсе решил рас-

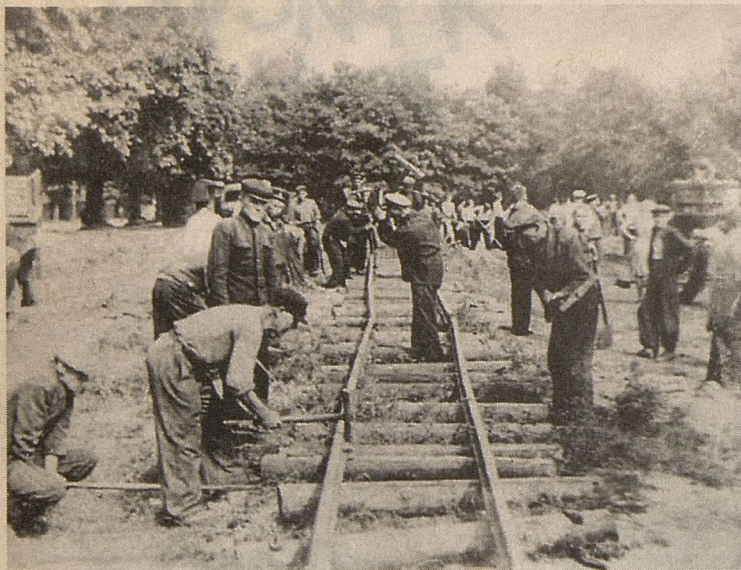
А потом он решил расстаться с жизнью самым радикальным способом — выстрелив себе в сердце из маузера

статься с жизнью самым радикальным, «красноармейским» способом — выстрелив себе в сердце из маузера. Но то ли рука дрогнула, то ли судьба решила, что еще не время, но попытка самоубийства, первая в череде многих, не удалась. Пуля прошла выше, и Островский вместо морга оказался в больнице, где пролежал почти два месяца. К почти привычным уже болям в коленях и локтях, прибавилась новая, в грудной мышце. «Боль гложет меня, изматывает, лишает последних сил!» — писал он в дневнике.

После этого случая Николай выбирает жизнь и борьбу. Он искренне стремится сделать ее полезной для других, работая буквально на износ — конторщиком, регистратором в ЗАГСе, даже вахтером в Наркомпросе. Он женится на красивой и деловой Вере Гордеичко, дочери начальника санатория в Ялте, и переезжает в этот город. Живут молодые трудно, но весело — Островский продает вещи, его зарплаты секретаря в Горкоме явно не хватает. Несмотря на инвалидность, он чрезвычайно социально активен и буквально лезет во все дыры. «На первом этаже живет настоящий белогвардеец, явный враг, перекрасившийся сегодня в эмпмана. Надо пойти и заявить на него в ГПУ!» (из дневника).

Тогда же, в Крыму, он впервые пытается писать, стремясь запечатлеть на бумаге свой богатейший жизненный опыт. Обнаружив пробелы в собственном образовании, Островский буквально поселяется в библиотеке, читая все подряд: от «Истории Государства Российского» Карамзина до «Трех Мушкетеров» Дюма. Позже просит от-

везти его на книжный склад, где тоже просиживает сутками. Писать самостоятельно, от руки, он уже не мог — пытался диктовать жене, но потом додумался соорудить специальный картонный трафарет, чтобы буква не наползала на букву. Создание романа заняло почти четыре года, и свет «Как закалялась сталь» увидела лишь в 1934-м. Успех книга имела оглушительный — Островскому удалось практически невозможное: он создал идеальный образ человека новой эпохи, идеальный новый язык и вообще идеально политкорректное и одновременно талантливое и захватывающее произведение. Роман хвалили профессионалы, одобряли власти, обожали простые читатели, особенно комсомольцы. Забегая вперед, скажу, что книга была переведена на 60 языков мира, выдержала 35 изданий в СССР, а общий ее тираж превысил 80 миллионов экземпляров.

Он создал идеальный образ человека новой эпохи, идеально политкорректное, талантливое и захватывающее произведение

Рука на колене

Вдохновленный успехом, Островский целыми днями читает военные сводки из Испании и начинает новое произведение — «Рожденные бурей», книгу, тоже посвященную Гражданской войне на Украине, и практически заканчивает первую часть. Работа дается ему с огромным трудом — он снова начинает диктовать, теперь рядом с ним, на вилле в Сочи, красавица, идейная комсомолка Раиса Мацюк. Она же спасает его от второй попытки самоубийства: когда из последних сил он пытался застрелиться, просто вырвала из слабых пальцев револьвер. После его смерти, выдержав траур, она стала женой его брата Дмитрия.

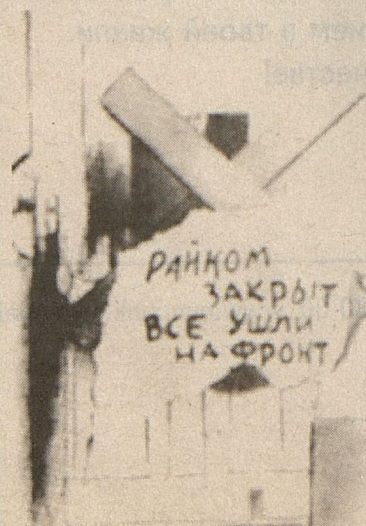
Еще одна драматическая деталь биографии Островского: до самых последних своих дней он сохранял в полной мере свою мощную мужскую силу. Представляете, какие муки испытывал этот молодой в

По самым скромным подсчетам, у Островского было не меньше двадцати любовниц; обе его супруги относились к этой его слабости философски и смотрели на нее сквозь пальцы

сущности человек, практически полностью обездвиженный, потерявший зрение, но не потерявший желание и возможность любить и быть любимым! Герой романа «Как закалялась сталь» сделал для себя однозначный выбор — сначала революционная борьба, а все

личное потом, после победы. Его автор придерживался совершенно иных взглядов. Главная любовь его жизни, Марта Пурий, познакомилась с ним, когда ему было 18, а ей 15. Они встречались несколько лет, и даже присутствие жены не могло этому помешать. Если верить ее воспоминаниям,

опубликованным на Западе, она безумно любила его до самой смерти. Кстати, его фантастическое обаяние и привлекательность отмечают все, кто встречался с ним хоть раз.

Ужасно худой, рано полыхавший, почти слепой, с плохими зубами и неловкими движениями инвалида, Николай в любой ситуации сразу становился центром внимания женского общества. Еще до выхода книги, сделавшей его суперзвездой, он пользовался необыкновенной популярностью — легко знакомился, очаровывал, заводил, насколько это было возможно, интрижки с медсестрами, массажистками, врачами, коллегами по работе. На одной из фотографий 1928 года, сделанной в доме отдыха в Цхалтубо, рука безвестного тогда экс-комиссара лежит на колени Веры Инбер, известной поэтессы и светской львицы. По самым скромным подсчетам, у Островского было не меньше двадцати любовниц; обе его супруги относились к этой его слабости философски и смотрели на нее сквозь пальцы. После публикации романа в 1934-м его буквально завалили потоком восторженных писем, большинство из которых было написано поклонницами. Экзальтированные комсомолки, отождествлявшие Островского с Корчагиным, буквально дежурили у его подъезда в Москве и у ворот его господи в Сочи. Они готовы были молиться на него, или, по крайней мере, безвозмездно ухаживать за ним, сидеть у его постели и вообще выполнять любые его желания.

Достоверных сведений о внебрачных связях Островского в последние годы его жизни нет, но по стране и сегодня ходит немало граждан, уверяющих, что они сыновья и внуки великого писателя. Возможно, это синдром «Детей Лейтенанта Шмидта», но кто знает — истина где-то рядом.

Жизнь дается один раз...

На дворе последний спокойный, 1936 год, Островскому — 31. Казалось, советское государство и партия большевиков сделали все, чтобы хоть как-то облегчить судьбу своего любимого писателя. Он получил Орден Ленина, звание бригадного комиссара, четырехкомнатную квартиру на улице Горького и роскошную дачу на Черном Море. Но соп-

ротивляться болезни сил уже не было. Из медицинской карты следует, что в это время он весил 32 (!) килограмма. «То, что я сейчас прикован к постели, не значит, что я больной человек. Это неверно. Это чушь! Я совершенно здоровый парень. То, что у меня не дви-

На одной из фотографий 1928 года, сделанной в доме отдыха в Цхалтубо, рука безвестного тогда экс-комиссара лежит на колени Веры Инбер, известной поэтессы и светской львицы

гаются ноги и я ничего не вижу, — сплошное недоразумение, идиотская шутка», — писал он своему другу, писателю Константину Федину.

На самом деле, чувствуя, что превращается в «овощ», а закончить «Рожденных бурей» не получится, Островский вновь решил уйти из жизни. Известно, что он просил знакомую фельдшерицу дать ему смертельную дозу снотворного, но та отказалась. По официальной версии, он умер 22 декабря 1936 года от инсульта. Существует и другая: причиной смерти стало огнестрельное ранение головы. Причем сам Островский сделать роковой выстрел не смог бы — его руки к тому времени почти не двигались. Кто помог ему добровольно отправиться в лучший мир? Этого мы уже никогда не узнаем.

Самое интересное, что под обивкой инвалидного кресла-каталки были найдены черновики фантастического романа с непонятным названием «Костылита», а также завешание, в котором писатель отчего-то признавался, что кроме набросков к «Костылите» ничего не написал. Разумеется, Островский вовсе не возражал против гигантской мистификации, в которой принимал главное участие: стране был нужен герой, и принципиальные соображения заставили Островского стать этим героем. В том же завещании Островский пишет, что стать писателем его вдохновило инвалидное кресло, однако известно, что он этим креслом никогда не пользовался, хотя и требовал, чтобы кресло всегда стояло возле его кровати. После его смерти это самое кресло таинственным образом оказалось на родине своего изготовителя — в Швейцарии. Рукопись романа исчезла, точно так же, как и завешание, а вместе с ней и возможная разгадка многих тайн самого странного советского писателя.

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества». Свою жизнь Николай Островский прожил именно так.

Константин ЧЕРУНОВ

